

А ЖЕНЩИНА ГРОМКО СМЕЯЛАСЬ — Я ГОЛОС МАРУСИ УЗНАЛ

Гастроли Елены Образцовой, драматической актрисы, в Америке

Независимая пресса. — 2001. — 13 февр. — с. 7

Надежда Кожевникова

В СПЕКТАКЛЕ Романа Виктюка «Антонио фон Эльба» даже на билетах сообщалось об участии там народной артистки СССР, хотя почему бы не указать, что она еще и лауреат Ленинской премии? В соответствии с такой логикой, следовало бы и билеты продавать за купюры, что в ту эпоху были в ходу. Между тем принимали только доллары.

Театр Романа Виктюка прибыл на гастроли в Колорадо, и русский Денвер возбудился, желая увидеть знаменитую оперную диву в новом качестве драматической артистки.

При входе в зал *Place Middle School*, где должно было состояться представление, толпа собралась с явными признаками ажиотажа. Врожденная печать «хомяков» неизбывна, даже если бы нас заслали доживать на Луну. Но есть и что-то трогательное в такой верности своим привычкам, надеждам, пусть наивным, и выказанный столь наглядно энтузиазм как бы неловко обмануть.

Большинство присутствующих составляли люди пожилого, или, скажем, среднего возраста, кто знал, помнил Диву по тем еще временам.

Они, то есть мы, встретили появление на сцене Елены Образцовой благодарными аплодисментами. Тем более что ее голос, тот голос, сему предшествовал. Правда, в записи, победно звучащей за кулисами, когда она, знаменитая Кармен, вышла к зрителям.

В оные годы мне случилось присутствовать на премьере новой постановки «Кармен» в Большом театре, где режиссер-новатор Борис Покровский, борясь с рутинностью, явил фокус, уложив героиню навзничь и доказав недругам-консерваторам, что и в такой позе можно петь! На фоне оперных Татьян из «Онегина», добропорядочно складывающих руки на выпирающем животике, грузных Амнерис, сытых Марф, гибкий стан Образцовой, ее молодая агрессия производили фурор.

Хотя я тогда находилась под влиянием мощной личности Ирины Архиповой. Два мешко-сопрано такого масштаба в одном театре, конечно, не могли не вступить в соперничество. Но что-то редко приходится слышать о премьершах с кротким нравом, так что едкие порой замечания Архиповой в адрес конкурентки воспринимались, ну, скажем, с допуском. Тем более она могла быть задовой тем, что Ленинскую премию вначале вручили Образцовой, а потом уже ей — и старшей по возрасту, и более опытной.

Когда же со сцены *Place Middle School* Образцова пропела несколько фраз уже без фонограммы, перед мысленным, как говорится, взором явилась Ирина Константиновна: млада, прозрачной оказалась. Голос, конечно же, чудо природы, но еще и нуждающийся в тщательнейшем уходе инструмент.

Елена Образцова привыкла быть на высоте. Сцена из спектакля.

Сюжет пьесы, переведенной с итальянского: юноша Антонио, горя желанием посвятить себя искусству, — Виктюк и в прежних своих постановках вызывал уважение к высоте помыслов — встречает даму, в прошлом красавицу, и опять же в прошлом оперную звезду, у которой он мечтает брать уроки. Возникает страсть, не одобряемая их окружением, не столько по причине возрастной разницы, сколько из-за смены сексуальной ориентации героя.

Сегодняшний зритель обучен наблюдать проблемы геев и лесбиянок так, чтобы ни один мускул не дрогнул. Пенсионеры-эмигранты тоже явили отменную

выдержку, дабы не выглядеть отсталыми в глазах своих детей. К тому же жанр пьесы заявлен как трагикомедия. Гротеск труппой актеров обозначен отчетливо, да вот незадача — гвоздем представления является Образцова, и трепет партнеров, их исключительная перед ней почтительность смешают акценты, и законы жанра трещат по швам.

Невозможно отделаться от ощущения, что главная героиня спектакля изображает себя, Образцову, привыкшую к овациям, восторгам, но упускает из виду, что драматическая сцена отличается от оперной — есть там своя специфика, свои правила, своя

школа, без которой нельзя обойтись.

Вопреки всем стараниям представление обретало все более явный, характер доморощенности, что странно в театре такого профессионала, как Роман Виктюк. Отказало чутье? Перекрылось соблазном заполнить оперную знаменитость — в расчете, что ее имя уже гарантия и публика скупает все неуклюжести, элементарную необученность ремеслу.

Хотя догадка — мол, что-то не так — все же мелькала. Вот почему периодически включалась фонограмма с отрывками из оперных арий: помните-де, кто перед вами! Но эффект получался обратный. С неловкостью все труднее становилось бороться — и за артистку обидно, и за себя.

Она-то, возможно, и получила удовольствие от участия в совместном с Виктюком эксперименте: дилетанты к лести доверчивы. Учиться, искать себе применение в новой области никогда не поздно, не стоит только спешить обнародовать свои первые, неуверенные шаги.

Давным-давно, чему мне тоже довелось быть свидетельницей, в Москву с концертами приезжала Марлен Дитрих. В легендарном светлом платье с блестками, облегающем безупречную фигуру, пела, танцевала — и в голову не приходило, что лета столь почтенны, уж никак не меньше семидесяти. Марлен Дитрих нарушала привычные представления с королевским величием. И не только талант, но безупречное мастерство, совершенство высшей шкалы, являло победу над временем, доставляя и эстетическое, и нравственное наслаждение. Масштаб личности — вот что наглядно разрасталось перед публикой в мелькании ног, выбрасываемых выше головы. Вставала судьба, непростая, но вне всякой связи с фактами биографии, даже шлягеры — «легкий жанр» — обретали звучание гимна, молитвы: самоотреченность, жертвенность во имя искусства — вот что, пусть неосознанно, импульсивно, вынуждало присутствующих вскакивать, аплодировать стоя.

Да и та же Архипова, старшая Образцовая аж на четырнадцать лет, еще недавно пела в Большом зале консерватории, в Бетховенском Большого театра. Затрудняюсь словами выразить, что, даже сильнее чем прежде, ошеломляло. Возможно, тот самый катарсис, на который уподоблялись еще греки, как на источник особого просветления. Некоторым, избранным, дадена мощь, нам, людям обыкновенным, неведомая...

От этого наша тяга к ним. Но знают пусть, что за их обман, халтуру, отступничество мы тоже расплавляемся. Ранимся. Там, где отучились уважать прошлое страны, и собственное прошлое не ставится ни в грош. И с тем, и с тем шутить запросто позволяет. Но это отнюдь не тот товар, что будет экспортироваться с успехом. Даже для поколения ностальгирующих соотечественников, что еще не вымерло за рубежом.